

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОФЕССОРА Х. К. РЕЙЕСА ПЕРЕД СТУДЕНТАМИ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

5 октября 2010 г. на историческом факультете СПбГУ прошло заседание СНО кафедры истории Нового и новейшего времени, в рамках которого состоялась очень интересная встреча. В гости к историкам пожаловал весьма необычный гость – директор департамента печати Национальной Академии истории Венесуэлы, преподаватель Центрального университета Каракаса г-н Хуан Карлос Рейес, который выступил с сообщением «Венесуэла: история и современность».

Г-н Рейес является автором целого ряда монографий, посвященных истории Венесуэлы: «Confidentes, infidentes y traidores (Venezuela 1806–1814)» (Caracas, 2009), «Vicente Salias» (Caracas, 2008), «El Diablo suelto en Carora. Memoria de un crimen» (Caracas, 2007), «El pueblo de Coro ante la llegada de Miranda (Hablan los protagonistas)» (Coro, 2006). Латиноамериканцы – нечастые гости на нашем факультете и встреча с г-ном Рейесом вызвала неподдельный интерес у студентов. Старания выпускника кафедры истории Нового и новейшего времени 1990 г. Даниэля Уберто Медины Бракамонте, а также наших преподавателей к.и.н., доцента А. А. Петровой и к.и.н., ст. преп. А. В. Бодрова сделали ее возможной.

На встрече с г-ном Рейесом были затронуты самые разнообразные темы, в том числе и особенности современной ситуации в Венесуэле, внутренняя и внешняя политика Уго Чавеса и концепт «социализма XXI века». Но главное внимание было уделено тому, что является предметом специализации глубокоуважаемого гостя, а именно борьбе венесуэльского народа за независимость от Испании, взрыву страстей, в которых нашло исход чувство уязвленной гордости. Г-н Рейес имел любезность переложить свой рассказ на бумагу, дополнив и снабдив его необходимым справочным аппаратом. Этот текст представлен вниманию читателей.

НЕЗАВИСИМОСТЬ ВЕНЕСУЭЛЫ И КРИЗИС ИСПАНСКОГО МОНАРХИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Примечательно, что для большинства венесуэльских политиков, начиная с Паэса (1830) и до наших дней, характерно убеждение, что в течение трех веков Испания заставляла жить свои колонии в условиях обскурантизма и что герои борьбы за независимость появились внезапно в Святую неделю апреля 1810 г., когда они вдруг ясно увидели цель – покончить с трехвековой отсталостью и невежеством. Профессиональные историки уже достаточно давно отказались от подобного рода утверждений: с одной стороны, потому что, по их мнению, испанский период в истории Венесуэлы, особенно вторая половина XVIII в., имел и определенные положительные черты (монархия, но монархия «просвещенная»), с другой – потому, что именно в это время формировались взгляды отцов-основателей Венесуэльской республики. Это признание, впрочем, не умаляет их вклада в историю страны.

В данной статье мы хотим поделиться некоторыми соображениями по поводу ситуации, сложившейся за несколько десятилетий до великих перемен, и на основе анализа так называемых «независимостей Венесуэлы» показать, что исторические события не происходят случайно, а процесс движения к независимости был длительным и сложным и представителями разных слоев венесуэльского общества, когда конкретные цели и задачи еще не были ясны, понимался по-разному, то есть с несколько необычной для венесуэльцев точки зрения.

I. Монархическая независимость?

Большинство населения Венесуэлы полагает, что образование Республики Венесуэла в результате войны за независимость, понимаемое как создание территории с населением, имеющим общие интересы, – это стихийный результат сражений и юридических формальностей, которые были выработаны для оформления республиканского устройства страны.

Между тем, необходимо подчеркнуть, что люди, боровшиеся за независимость Венесуэлы, сформировались интеллектуально в колониальную эпоху, и их идеи возникли именно под ее влиянием. Более того, могло бы показаться неправдоподобным утверждение, будто бы какой-

то колониальный чиновник мог предложить идею возможной независимости некоторых американских территорий до того, как об этом начали думать главные действующие лица, которые в итоге добились отделения.

Однако уже в 1781 г. Главный интендант провинции [генерал-капитанства – прим. пер.] Венесуэла основанной пятью годами ранее (1776), дон Хосе де Абалос направил королю Карлу III любопытное «секретное» послание, в котором высказал несколько осторожных суждений по поводу оценки практической выгоды, вытекающей из удержания отдельных регионов Америки под прямым управлением испанской короны. «Долгое время находясь в Америке [сообщает интендант Абалос] в связи с назначением на различные должности, которые изволило доверить мне Ваше Величество, и в настоящее время будучи Главным Интендантом Вооруженных Сил и Королевского Казначейства Провинции Венесуэлы и ее областей, я неоднократно размышлял об обширных и богатых провинциях и своеобразии их коренных жителей; но удовольствие и радость наблюдать Ваше Величество, увенчанное коронами империй с обширными владениями, всегда смешивалось у меня с болью признания в этих обстоятельствах разумности их разделения на несколько монархий, которые должным образом управлялись бы сами собой, поскольку в противном случае сохранение их целостности будет невозможно»¹.

Что имел в виду дон Хосе Абалос, говоря о разумности разделения на несколько монархий, которые должным образом управлялись бы сами собой? И к чему стремился интендант, утверждая «поскольку в противном случае сохранение их целостности будет невозможно»? На этом стоит остановиться.

Уже к 1781 г. интендант Абалос интуитивно чувствовал трудность сохранения целостности огромных территорий Америки и, прежде всего, неспособность удержать сплоченным значительное количество населения с различным образом мышления и неодинаковыми интересами.

Если мы продолжим чтение «секретной» корреспонденции интенданта за 1781 г., то не перестанем удивляться:

«Если в результате это приведет к образованию провинций, которые будут входить в состав объединенной империи, что может быть лучшим для владений, разбросанных на тысячи лиг, населенных людьми, мало связанными с метрополией? Земли, которыми владеет Ваше Величество в Америке, обширны и очень далеки. Их несоизмеримые богатства, как правило, порождают тщеславие и жадность, а нрав и характер коренных

жителей, особенно в отдаленных районах, таков, что они с рождения склонны к восстанию»².

Эти соображения интересны, прежде всего, потому, что они уже указывали не только на трудность правительства «управлять на расстоянии», поддерживая престиж королей, которых американцы никогда не признавали, но и особо подчеркивали самодостаточность американского населения. При этом в данном случае речь идет не о «коренных жителях» - или аборигенах, - речь идет о прямых потомках испанцев на американской земле, которые, по словам интенданта, были склонны к «мятежу» и, более того, к тщеславию и жадности.

Дон Хосе де Абалос вновь проявляет проницательность, обратив внимание на своеобразие жителей этих земель, которые вынашивают различные враждебные планы против испанской монархии, от адаптации церкви к «американским» условиям до опасных проектов автономии и независимости. Аьалос продолжает так:

«Религия, которая обычно объединяет сердца и желания людей с интересами государства, распространена среди американцев очень слабо, или потому, что отсутствуют необходимые священнослужители, которые бы содействовали этому, или же потому, что они сами страдают излишней распущенностью, так как отделены от примера и почитания своих епархиальных епископов; поэтому не было бы опрометчивым сделать вывод, что духовное сословие, многовековое и упорядоченное, вполне вероятно, прикрываясь привилегиями, которыми оно обладает, посеяло отвратительные семена раздора и неприязни к зависимости от трона, хотя этой кощунственной оплошности также сильно способствует масса иностранцев из порочных сект, которые тайно проникают и безнаказанно проживают в этих колониях. Печальное совпадение этих серьезных опасностей, окруживших суверенную корону Вашего Величества, неоднократно было предметом моих серьезных размышлений, и с каждым днем я все больше убеждаюсь в необходимости осторожного, но быстрого разделения провинций с дальнейшим их провозглашением отдельными монархиями, которые были бы поделены между благородными ветвями августейшей фамилии Вашего Величества. Это помогло бы предохранить их от вторжений, которым они подвержены в настоящее время, от тщеславия, зависти, жадности независимости и других бесчисленных пороков»³.

Важно добавить здесь, что когда интендант говорил о «...массе иностранцев из порочных сект...», он указал на культурное и религиозное

многообразии иностранцев, которые, как известно, нелегально проникали в колонии; не имея в виду идеи французских энциклопедистов, которые придут в регион немного позже.

Несомненно, что Абалос очень хорошо знал жизнь чиновника, назначенного метрополией в колонии, и его доводы должны были быть основаны на серьезном изучении – по крайней мере, в той степени, в какой ему были доступны источники – раннего периода истории. Не стоит забывать, что Абалос в действительности был всего лишь государственным служащим, представителем Короны в провинции Венесуэла.

Хотя сам интендант относится к числу чиновников колониальной администрации, он, тем не менее, осмеливается утверждать:

«Большая часть чиновников, которые были назначены со времени Конкисты в вице-королевства, губернаторства, судебные округа, министерства королевского казначейства и другие ведомства действовали и действуют с желанием и намерением обогатиться, и это общий постулат для всех, от самого маленького до самого большого чиновника, который бороздит моря не только для того, чтобы охладить бурный нрав, от которого проистекала и проистекает масса вреда, и вследствие этого постоянные жалобы и обращения, обоснованные или необоснованные, которые он не может привести в согласие со своей правотой и уверенностью и начинает совершать большие несправедливости и оставлять преступления безнаказанными, рассматривая как само собой разумеющееся то, что каждый день зло будет множиться, и что затем беспорядки в этих странах станут слишком большими, и что в приведенном в отчаяние населении увеличится ненависть или их размежевание, так как все они коренные жители, оттого все американцы имеют или родились с неприязнью и большой злобой к испанцам в целом, но особенно к тем, которые приезжают по долгу службы для того, чтобы, как им представляется, вершить правосудие, право которого они незаконно себе присвоили...»⁴.

В этой части «послания» проявляются эрудиция дона Хосе де Абалоса и искренность, которая демонстрирует личную смелость пославшего письмо.

Знаменательно то, что интендант в своем «секретном» послании указывал на реальную возможность достижения испаноамериканцами независимости; конечно, он не имел ни малейшего понятия, что его предсказания сбудутся через три десятилетия.

«Испания внутри своих границ не может добиться, даже в непосредственной близости от Трона, исполнения подчиненными своих прямых

обязанностей, которые, как показывает опыт, постоянно отстраняются от дел или причиняют вред, и если это происходит почти в поле зрения Вашего Величества, то остается сделать вывод о фактической невозможности исполнения этих обязательств для владений, столь далеко распростершихся, знания всех их потребностей, особенно имея в виду, что разница климата оказывает сильное влияние на изменение обычаев; из-за удаленности от метрополии те, кто назначен на должность, переходят к самоуправству и произволу, и все это приводит к росту среди жителей духа независимости, который усиливается в них с каждой минутой, с одной стороны, из-за их естественной неприязни к Испании, а с другой, из-за трудности занятия руководящих должностей и из-за несправедливостей, жалобы на которые не легко быстро довести до сведения Трона, это приводит к тому, что они покарали бы первого, кто попытался бы помешать мятежу...»⁵.

Конечно, здесь речь не шла о том, что дон Хосе де Абалос хотел способствовать политическому расколу метрополии; скорее всего, дело касалось совета, напоминания, заботы и личного беспокойства, которое мелкий чиновник из американских провинций хотел сообщить «государям», не имея другого намерения, кроме как по обыкновению служить «верой и правдой» королю.

Если имелись некоторые сомнения относительно причин, из-за которых испанская корона пришла в упадок после того, как создала обширную империю в Америке, то в письме интенданта Абалоса это объясняется следующим образом:

«Соразмерно населению Испания всегда было из-за своего местоположения и плодородной почвы очень уважаемой монархией, и во все времена могла оказывать серьезное влияние на интересы Европы, даже не имея столь протяженных владений, сулящих лишь обманчивую перспективу и не приносящих реальных доходов; поэтому перед политиками давно встал вопрос о том, полезны или вредны те территории, которые Испания имеет в Америке. По правде говоря, они сегодня не так заселены, не так сильны, как во времена Католических королей, когда имели свой закон, и если из них каждый день прибывает много серебра и золота для Испании, едва ли эти богатства приносят нам действительные выгоды и снижают пошлины; большая часть в значительной мере уходит на то, чтобы облагодетельствовать соседние страны, ибо мы, так высокомерно ослепленные иллюзией несметных богатств, совсем забыли о принципах про-

цветания государства и сделались обычными данниками иностранных фабрик и индустрии для того, чтобы отблагодарить их за наши выгоды»⁶.

Шла ли речь об объяснении первоначального накопления капитала, который вывел Европу из кризиса, который она претерпевала в последние века? Или это было, всего лишь, мнение испанского чиновника, который стремился проанализировать историю испанского правления, чтобы помочь исправить важные просчеты. Это непростой вопрос.

Дон Хосе де Абалос завершает свое письмо следующими словами:

«Масса этих недостатков, множество этих угроз требуют, Сеньор, скорейшего решения. На основании сведений, которые я имею об Испании и Америке, и после долгих размышлений, я сделал бы Вашему Величеству предложение, будучи уверенным, что в скором времени радостные события подтвердят правильность моих слов, однако пусть не покажется опрометчивым или безрассудным, что я осмелюсь предложить, что единственным решением, которое только можно сейчас принять, будет то, что ваше Величество великодушно откажется от провинций на территории аудиенции Лимы, Кито, Чили и Ла-Плата так же, как и от Филиппинских островов и к ним прилегающих, требуя создания на них трех или четырех различных монархий, которыми стали бы править соответствующие принцы августейшего Дома Вашего Величества, и это следует осуществить как можно скорее, в связи с опасностью сложившейся ситуации.

Это, Сеньор, верный способ препятствовать вторжению чужеземцев, сподвигнутых на него своей алчностью. Это также отвело бы угрозу возникновения недовольства среди подданных внутри государства из-за продажного правительства, которое толкает их на предательский и агрессивный путь, и из-за которого та неприязнь, которую они питают к метрополии, с чужой помощью способствовала бы достижению ими независимости, которой уже добились колонисты Севера этого же континента. Основное правило разумной и эффективной политики состоит в том, чтобы поддерживать только то, что полезно и прибыльно, так как все остальное влечет за собой лишь разорение метрополии»⁷.

Ниже интендант доводит до конца свой «совет» хвалебными словами в адрес «государей» с намерением осыпать еще большими похвалами, которых и так уже достаточно, испанскую монархию, но кроме того, ему следовало избавить испанское правление в Америке от множества недостатков, поэтому он категорически утверждает:

«Выполнение этого проекта осыпало бы Ваше Величество похвалами, снискало бы бессмертную славу и почести, и с другой стороны, осмелюсь

заверить, что для врагов Испании не могло бы быть более ощутимого удара, чем предложенное разделение, так как это лишило бы их надежды на достижение независимости испаноамериканцами и на получение территориальных приобретений, и сама Испания, избавившись от давящего на нее бремени, сохранила бы выгодные ей торговые преимущества, и была бы готова защищать, поддерживать и использовать в своих интересах остальные владения в западной части Нового Света.

Нужно отметить, что всего два года спустя граф де Аранда также отправляет «конфиденциальное мнение» королю, в котором упоминаются и некоторые из опасений венесуэльского интенданта. Исходя из прямоты графа, можно предполагать, что во всей испанской империи уже существовало беспокойство по поводу неустойчивости, которую представляло административное здание, поддерживавшее с большим усилием власть Испании в Америке в последние годы XVIII века.

«Предложения» графа Аранды не перестают удивлять:

«После тщательных размышлений, продиктованных моим политическим и военным опытом, и обстоятельного изучения столь важного вопроса я считаю, что единственный способ предотвратить такую тяжелую потерю и возможно другие еще большие состоит в следующем:

Чтобы Ваше Величество отказалось от всех владений на американском континенте, оставив себе лишь остров Куба и Пуэрто-Рико в северной части и некоторые в южной, выгодные для расширения масштабов или служащие базой испанской торговли.

Чтобы реализовать этот обширный замысел, нужно назначить в Америку трех инфантов: одного королем Мексики, другого – Перу, и третьего в оставшуюся часть Тьерра Фирме (Новой Гранады), а Ваше Величество приняло бы титул императора.

Условия этой солидной уступки заключались бы в присяге трех принцев и их наследников Вашему Величеству и тем наследникам, которые в дальнейшем занимали бы испанский престол.

(...) Чтобы вышеупомянутые монархи и их сыновья всегда женились бы на инфантах из Испании или на членах своей фамилии, а здешние принцессы выходили бы замуж за испанских принцев или инфантов, чтобы таким образом всегда существовал нерасторжимый союз четырех корон, условия которого клялся бы соблюдать каждый при восшествии на престол»⁸.

Не стоит размышлять здесь о причинах, по которым все эти предложения – помимо тех, которые до сих пор затеряны в американских или испанских архивах, - не были приняты Короной всерьез или, по крайней мере, не были осуществлены на практике; возможно, это происходило из-за традиционного испанского упрямства.

II. Социальная независимость

Венесуэла на протяжении всей своей истории отличалась врожденным чувством «единства» и «равенства». Территория, известная сегодня как «Боливарианская республика Венесуэла», формировалась с самого начала Конкисты до наших дней.

Можно утверждать, что такое древнее чувство «единства» и «равенства» всех слоев населения было основой для участия различных «кастас» в борьбе за независимость. Не рискуя быть непонятыми, мы утверждаем, что независимость как социальный феномен не принесла немедленную выгоду всем группам общества; тем не менее, страстное желание «единства» и «равенства» было использовано в качестве притягательного для всех социального лозунга.

Однако откуда происходило такое древнее страстное желание «равенства» и «единства» венесуэльских поселенцев? И в чем оно проявилось на заре независимости, и как с помощью него креольская элита смогла заручиться экономической и даже военной поддержкой?

Чувство «единства» такое же древнее, как и сама история страны. Его истоки восходят к созданию губернаторств или провинций на ее территории с прибытием испанцев на континент. Тем не менее, географические области, граничащие между собой, административно принадлежали крайне отдаленным политическим центрам. Таким образом, жители одной провинции были настолько чужды жителям другой, что вполне могли считать друг друга иностранцами, и единственное, что их объединяло – это то, что они были испанцами,

По мере становления испанского господства на венесуэльской территории, оно расширилось до восточных и западных береговых границ и охватило все остальные годные для заселения районы, которые до этого были населены индейцами из-за благоприятных природных условий, что привлекло и испанцев. Кроме того, негры, завезенные из Африки, стали участвовать в устройстве городов и поселков, способствуя смешению рас, которое рано началось на венесуэльской территории.

Историк Марио Брисеньо Ирагорри полагает, что на венесуэльской территории в течение XVI в. существовали разные культуры: испанская, индейская и негритянская⁹.

Все губернаторства и провинции на территории Венесуэлы начнут медленный процесс объединения, которое завершится во второй половине XVIII в.¹⁰.

В Новом Свете проявило себя и чувство равенства, в особенности интересным образом на венесуэльских землях. С самого начала испанского владычества все «кастас», исходя из своих собственных возможностей и интересов, боролись за право на равенство, встречая препятствия, которые создавала жесткая структура нового общества.

Коренные жители считались подданными короля, и поэтому не были рабами; однако этому решению предшествовали напряженные споры.

Негры-рабы, привезенные из Африки, были таковыми до тех пор, пока не купили свою свободу (благодаря наделам для ведения личного хозяйства, называвшимся «арболедильи»). Кроме того, рабы могли обращаться в суд и, имея определенные права, заявить о чрезмерно дурном обращении или желании заключить брак с рабыней другого хозяина.

Креолы, как господствующий слой общества, по мере роста населения стали принадлежать к разным «кастас». Так, прямые потомки завоевателей и аделантадо сформировали своего рода элиту, поскольку их предки родились в Испании, но с каждым новым поколением они все более считались креолами от того, что само испанское государство не позволяло занимать высшие должности в Америке тем служащим, которые не родились в Испании. В свою очередь, поколениям рожденных на этих землях оставалось занимать руководящие места в кабильдо, так как это было единственным способом противостоять политическому влиянию представителей власти метрополии.

Историк Эдуардо Арсила Фариас дает своеобразное определение взаимоотношениям между «кастас» в Венесуэле:

«...наши туземцы со своей, никем не сломленной, непокорностью, традициями и общественными обычаями сыграли очень важную роль в складывании нашей национальности. Вместе с тем, не стоит преувеличивать их значение и пренебрегать ролью испанцев так, как пытались это сделать некоторые мексиканские и боливийские исследователи индейской культуры, исключительно для придания большей значимости доколумбовой эпохе»¹¹.

Более того, благодаря этому древнему чувству равенства возникла новая «кастас», к которой относительно быстро стала принадлежать большая часть населения и которая стала основой того, что представляют собой венесуэльцы в настоящее время.

Мулаты уже в XVIII в. составляли значительную часть населения и долго боролись за признание со стороны государства привилегий, распространявшихся только на креолов; 10 февраля 1795 г. был обнародован указ, в котором мулатам предоставлялись некоторые привилегии, в том числе и возможность покупать титул «Дон», учитывая их значимость в обществе на тот момент. Это привело к сопротивлению и мести креолов, так как было со стороны монархии признанием равенства вне зависимости от цвета кожи.

Таким образом, «единство» и «равенство» - понятия, прочно укоренившиеся в венесуэльском обществе и традициях с давних пор, к тому же поразительно, что эти представления возникли задолго до того, как французы, претворяя в жизнь уравнивательные идеи под лозунгом «Свобода, равенство, братство», обезглавили короля Людовика XVI, Робеспьера и представителей аристократии.

III. Экономическая независимость

После истощения запасов жемчуга экономика венесуэльских провинций вступила в полосу упадка и в XVI–XVII вв. **ориентировалась** только на внутреннее потребление. В XVIII в. ситуация коренным образом изменилась: табак высшего качества, гладкая выделанная кожа и какао из Венесуэлы стали пользоваться спросом в Европе, что послужило основой экономического подъема в колонии.

Множество кораблей, груженных фанегами какао и табака и другими товарами, выходило из венесуэльских портов, направляясь в Мексику и испанскую метрополию или другие европейские страны в качестве контрабанды.

Землевладельцы и коммерсанты Венесуэлы приобрели неожиданное богатство и в XVIII в. **стали жить с большой роскошью**. Для себя они ввозили товары из Европы, мостили камнем улицы, строили театры, большие мосты, организовывали пышные празднества и даже путешествовали в Европу, что раньше было доступно немногим.

Такое положение дел должно было принести выгоду метрополии, однако наплыв товаров и капитала должен был быть контролируемым. Так, группа торговцев из Испании получает от короля право основать в

провинции Венесуэла компанию, которая централизовала бы торговлю. Эта «Гипускоанская компания» согласно королевскому указу от 25 сентября 1728 г. берет под свой контроль торговлю и регулирует товарный поток во всех главных портах. Все это вызывало недовольство у креолов.

Это недовольство очень скоро проявилось. Один торговец и чиновник, владевший поместьем в Барловенто (Панакире), призывает землевладельцев подняться против Компании. Хуан Франсиско де Леон вместе с большим числом асендадо и торговцев направляется в Каракас. Его армия подходит очень близко к городу и держит в напряжении местное правительство.

Благодаря ухищрениям и маневрам, на которые пошли гипускоанцы и власти, а также простоудию де Леона, он сдался и был посажен в тюрьму в Испании, где и скончался. Борьба с Компанией продолжалась, теперь уже с использованием политических средств, до 10 марта 1785 г., когда была запрещена ее деятельность. Некоторые историки характеризовали этот протест как движение, предшествующее борьбе за независимость; мы не станем делать таких утверждений, однако совершенно определенно можно говорить о единстве торговцев и асендадо в их противостоянии «плохому местному правительству».

Джон Ломбарди писал:

«Венесуэла представляла собой классический пример экономической политики Бурбонов, проводившейся с помощью монополистической Каракасской Компании, организации эффективной, но не вполне почитаемой. Баскская монопольная компания изменила торговлю какао и усилила зависимость региона от управляемого бюрократией экспорта этого главного продукта. Самые известные семьи Каракаса обязаны своим «титолом» («шоколадные маркизы», - пер.) экспорту какао. Они являлись основой местной элиты, а ее процветание все больше зависело от деятельности атлантической корпорации, в которой этой элите недоставало влияния»¹².

Далее он подчеркивал:

«очень важное значение имел тот факт, что Каракасская Компания и различные изменения в бюрократических процедурах ограничили способность венесуэльских производителей напрямую конкурировать на атлантическом рынке, быстро реагировать на постоянные изменения его требований. Контрабанда, один из ключевых механизмов атлантической торговли, переживала спад благодаря усердию Каракасской Компании и набиравших силу колониальных властей. Эти изменения еще глубже

укоренились в функционировании экономики Венесуэлы и выразились в убеждении, что основные принципы экономического процветания происходили не из международной конкуренции производителей на рынке товаров, а скорее из испанского бюрократического регулирования»¹³.

Может показаться делом случая, что в Венесуэле намерения каждой из сторон совпали. С одной стороны, Корона была заинтересована в экономической централизации, инициировала либерализацию торговли и обратила свои взоры на забытые ранее провинции. Население этих регионов, в свою очередь, пользовалось этой благосклонностью и в дальнейшем обзавелось множеством учреждений, ранее находившихся в таких отдаленных местах, как Санто-Доминго или Новая Гранада.

Гильермо Морон утверждает:

«Реформы Бурбонов способствовали централизации власти, с одной стороны, и экономической и социальной либерализации, с другой»¹⁴.

«Реорганизация в испаноамериканских провинциях имеет место, главным образом, между 1760 и 1810 гг.; это касается административных реформ, от создания должности министра по делам Индий, которая превратила Совет в лишь совещательный орган, до преобразования территориальных единиц; в экономической сфере, от свободы торговли до создания таких новых структур, как Интендантства и Консуладо, которые сделали бесполезной старую Casa de Contratación, упраздненную в 1790 г.»¹⁵, - отмечает далее Г. Морон.

Такое положение вещей стало благоприятной почвой для усиления уравнительных настроений жителей венесуэльских территорий, которые весьма преуспели в защите своих экономических завоеваний, полученных от Короны вследствие борьбы с испанскими чиновниками.

IV. Институциональная и юридическая независимость

Важно подчеркнуть, что различные преобразования в Испании, которые были результатом новой политики, реализуемой Бурбонами, и в частности, Карлом III, окажут непосредственное влияние на венесуэльские территории, но противоположное тому, на котором, как ни парадоксально, некоторые настаивают, будто эти реформы принесли благополучие, стабильность и осуществили чаяния, ожидаемые жителями с давних пор.

Хорошо известны перипетии борьбы венесуэльцев за право на доступ к правосудию тогда, когда государственные учреждения находились в довольно отдаленных местах. Свидетельства утверждают, что наличие упомянутых общих органов государственного управления на собствен-

ной земле было мечтой жителей региона ради эффективного функционирования общества. Франсиско Депенс отмечает, что большие расстояния между городами затрудняли почтовое сообщение, и это влекло за собой большие расходы¹⁶.

Историк Хосе Хил Фортуол, в свою очередь, затрагивает вопрос о создании Аудиенсии в Каракасе, которая, безусловно, принесла пользу обществу, так как в дальнейшем затраты на отправку судебных дел на остров Санто-Доминго выросли, не говоря уже о многочисленных отсрочках исполнения решений суда вследствие, помимо прочего, присутствия пиратов во всем Карибском море.

Фортуол раскрывает преимущества, которые новое учреждение принесло жителям, хотя, тем не менее, отмечает и новый конфликт с аристократами, который должен был произойти в будущем, так как новая Аудиенсия также была местом сосредоточения испанских чиновников на венесуэльской земле. Это так или иначе повлекло бы за собой разногласия в отправлении правосудия, прежде всего с кабильдо, уже получившими некоторую судебную власть в провинциях, полномочия которых сократились в связи с постановлением этого высшего суда о функционировании на территории провинции.

Другие авторы, как например, Лауреано Вальенилья Ланс, также разделяют мнение Хиля Фортуола о недовольстве креолов присутствием в провинциях многочисленных испанских чиновников, служащих в новосозданных учреждениях. В частности, камнем преткновения было приоритетное внимание, которое эти колониальные чиновники уделяли выслушиванию и удовлетворению прошений бедняков, а не городской аристократии, которая до этого почти полностью узурпировала местную политическую и экономическую власть.

Таким образом, многие заслуживающие доверия историки утверждают, что сосредоточение испанских чиновников на венесуэльской территории свидетельствовало о том, что в деятельности новых учреждений прослеживался старинный испанский обычай выслушивания жалоб бедного и беспомощного населения, который мог восходить к применению древних испанских законов, таких, как «Семь партид» короля Альфонсо X (XIII в.).

Стоит отметить, что такой значительный автор, как Караксьоло Парра Перес, тоже солидарен с вышеназванными историками, подчеркивая, что испанское присутствие способствовало большей демократизации в отправлении правосудия в «колониях»¹⁷.

В институционально-правовом отношении положение было таким же. Большинство законов, которые применялись в период независимости, оставались почти неизменными в течение изрядного количества десятилетий республиканского правления вплоть до 1830 г.

Томас Поланко Алькантара объясняет это тем, что «оказалось невозможным сформировать полностью новую правовую систему за столь короткое время; кроме того, разумно было сохранять в силе действующее законодательство до тех пор, пока оно не затрагивало основ республиканской системы»¹⁸.

После провозглашения независимости Венесуэлы, республика также частично сохранила испанскую правовую систему, что подтверждает решение Конгресса Республики 1838 г.¹⁹.

И как известно, эта ситуация будет сохраняться до тех пор, пока администрация президента Антонио Гусмана Бланко не начнет, более или менее последовательно, интеграцию нашей страны в современный мир.

Таким образом, проанализировав «независимости» Венесуэлы, мы показали длительность и сложность этого процесса, возможность трактовать социальные, экономические, политические факторы, влиявшие в разной степени на процесс движения Венесуэлы к независимости, неоднозначно. Являясь почитателями героев войны за независимость мы, тем не менее, должны признать, что предпосылки и идеи борьбы за независимость начали складываться задолго до событий 1810 г. и что социальный взрыв в Венесуэле был всего лишь вопросом времени. А события в метрополии стали лишь катализатором этого взрыва.

¹*Muñoz Oraa C. E. Dos Temas de Historia Americana. La Independencia de América (Pronóstico y Proyecto de Monarquías). Mérida, 1967. Документальное приложение заявления интенданта Абалоса, адресованное Карлу III, в котором предсказывается независимость Америки и предлагается создание различных монархий в Новом Свете. Pág. 34.*

²*Ibidem. Pág. 35.*

³*Ibidem. Pág. 35, 36.*

⁴*Ibidem. Pág. 37.*

⁵*Ibidem. Pág. 37, 38.*

⁶*Ibidem. Pág. 40.*

⁷*Ibidem. Pág. 41.*

⁸Ibidem. Документальное приложение записки, которую сеньор Конде де Аранда представил королю на предмет независимости английских колоний с момента заключения Парижского мирного договора 1783 г. Pág. 47.

⁹*Briceño Iragorry M. y otros. Defensa y enseñanza de la Historia patria en Venezuela. Caracas, 1960. Pág. 21.*

¹⁰Cfr. *Morón G. Historia de Venezuela. Caracas, 1960. 5 Vols.*

¹¹*Arcila Farías E. ¿Cuándo empezó nuestra Historia? // Defensa y enseñanza de la historia patria en Venezuela. Caracas, 1998. Pág. 164.*

¹²*Lombardi J. V. La invención de Venezuela en el marco del sistema mundial: el siglo de transición 1750-1850. Boletín Academia de la Historia. Octubre-diciembre de 2002. № 332. Pág. 19.*

¹³Ibidem.

¹⁴*Morón G. El proceso de integración de Venezuela. Caracas, 1987. Pág. 24.*

¹⁵Ibidem. Pág. 25.

¹⁶*Depons F. Viaje a la Parte Oriental de Tierra Firme en la América Meridional. [1806]. Caracas, 1960. Págs. 187-188.*

¹⁷*Parra Pérez C. Historia de la Primera República. [1939]. Caracas, 1959. Pág. VIII.*

¹⁸*Polanco Alcántara T. La Real Audiencia de Caracas como Antecedente de la Corte Suprema de Justicia, en Memoria del Segundo Congreso de Historia. Caracas, 1975. Pág. 445.*

¹⁹Cfr. *Pérez Perdomo R. El formulismo jurídico y sus funciones sociales en el siglo XIX venezolano. Caracas, 1978. Pág. 49.*

Пер. с исп.: В. Абрамов, А. Хаинова.
Статья печатается с сокращениями.

После выступления г-н Рейес затронул вопрос о перспективах сотрудничества Санкт-Петербургского и Венесуэльского университетов, в рамках которого мог бы осуществляться обмен студентами. Было справедливо отмечено, что путь установления двусторонних связей весьма непрост, однако взаимное стремление к лучшему знанию и пониманию друг друга от этого не уменьшается и, возможно, сможет преодолеть все трудности.